

КОГНИТИВНАЯ ГУМАНИТАРНАЯ СЕМИОТИКА КАК «ТОЧКА РОСТА» ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Д.И. Иванов

*Сианьский университет иностранных языков, Китай, Сиань;
Ivan610@yandex.ru*

Д.Л. Лакербай

*Ивановский государственный университет, Россия, Иваново;
lakomotion@yandex.ru*

Аннотация: Целью статьи является рассмотрение авторского теоретического комплекса «когнитивная гуманитарная семиотика» (СТ (синтетический текст) — СЯЛ (синтетическая языковая личность) — КПП (когнитивно-прагматическая программа)) как «точки роста» филологического знания. Данный комплекс выстроен в режиме метадисциплинарности, суть которой — в глубоком эпистемологическом обосновании тех интердисциплинарных связей, которые недвусмысленно указывают на внутреннее родство внешне разнородных начал, определяющих сложный (гибридный) культурно-языковой объект.

Основные результаты: для глубокой интерпретации «текста субъекта» в культуре необходим его модельный анализ (по единым правилам на вариативном материале и с вариативными составляющими). Специфика СЯЛ в том, что она позволяет моделировать гетерогенный по зонам дискурсивности (например, вербальный и поведенческий одновременно) культурно значимый «текст субъекта в культуре» именно как индивидуальный. Это возможно потому, что основные его параметры определяет КПП СЯЛ субъекта-источника. Базовая КПП художника, имеющая прямое отношение к интенциональности актов его сознания, демонстрирует неразрывность духовных, эмоциональных, интеллектуальных, собственно когнитивных интенций личности и форм ее творческой (жизнетворческой) самореализации, концептуально индексирует всё пространство СТ и задает аналитико-интерпретационный / реинтерпретационный векторы его восприятия и самовосприятия. Творчество настоящего художника в аспекте КПП предстает, с одной стороны, как целенаправленная развивающаяся система (иначе невозможны возникновение и эволюция узнаваемого авторского художественного мира и поэтики, стилеобразование и пр.), с другой — как «открытая система», постоянно «находящая себя» при всех трансформациях. Литературоведческая проекция СЯЛ позволяет дать «глубинное» (когнитивно-дискурсивное), а не внешнее описание многих процессов социокультурного «поля литературы». Углубленная до анализа КПП, она показывает ведущую стратегию автора-творца — «основной закон» его творческого (жизнетворческого) пути. КПП определяет закономер-

ности ставшей прецедентным текстом культуры Судьбы Поэта-мифотворца или любой другой устойчивой формы «нестандартной дискурсивности».

Ключевые слова: когнитивно-прагматическая программа; когнитивно-прагматические установки; синтетический текст; синтетическая языковая личность; метадисциплинарность; культурно-языковой объект; субъект-источник; субъект-интерпретатор

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-3-6

Для цитирования: Иванов Д.И., Лакербай Д.Л. Когнитивная гуманитарная семиотика как «точка роста» филологического знания // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 3. С. 65–78.

COGNITIVE HUMANITARIAN SEMIOTICS AS A 'GROWTH POINT' OF PHILOLOGICAL KNOWLEDGE

Dmitry Ivanov

Xi'an International Studies University, China, Xi'an; Ivan610@yandex.ru

Dmitry Lakerbai

Ivanovo State University, Russian Federation, Ivanovo; lakomotion@yandex.ru

Abstract: This article considers the authors' theoretical complex 'cognitive humanitarian semiotics' (ST (synthetic text) — SLP (synthetic lingual personality) — CPP (cognitive-pragmatic program)) as 'growth points' of philological knowledge. This complex is built in the mode of metadisciplinarity, the essence of which is in a deep epistemological substantiation of those interdisciplinary connections that unambiguously point to the internal kinship of outwardly heterogeneous principles that define a complex (hybrid) cultural and linguistic object.

Main results: for a deep interpretation of the 'subject-text' in culture, its model analysis is necessary (according to uniform rules on variable material and with variable components). The specifics of SLP is that it allows modeling heterogeneous in terms of discursiveness zones (for example, verbal and behavioral at the same time) culturally significant 'text of the subject in culture' precisely as an individual one. This is possible because its main parameters are determined by the CPP of the SLP of the source subject. The basic CPP of the artist that is directly related to the intentionality of the acts of his consciousness, demonstrates the inseparability of the spiritual, emotional, intellectual, cognitive intentions of the personality and the forms of its creative (life-creating) self-realization, conceptually indexes the entire synthetic text space and sets the analytical-interpretative / reinterpretative vectors of its perception and self-perception. The creativity of a real artist in the aspect of the CPP appears, on the one hand, as a purposeful developing system (otherwise, the emergence and evolution of a recognizable author's artistic world and poetics, style formation, etc., is impossible), on the other hand, as an 'open system' that constantly 'finds itself' under all transformations. The literary projection of the SLP allows us to give a 'deep' (cognitive-discursive), rather than an external description

of many processes of the sociocultural 'field of literature' and — deepened to the analysis of the CPP — the leading strategy of the author-creator, in fact, the 'basic law' of his creative (life-creating) path. The CPP determines the patterns of the culture of the Fate of the Myth-Creating Poet, which has become a precedent text, or any other stable form of 'non-standard discursiveness'.

Keywords: cognitive-pragmatic program; cognitive-pragmatic sets; synthetic text; synthetic lingual personality; metadisciplinarity; cultural and linguistic object; subject-source; subject-interpreter

For citation: Ivanov D., Lakerbai D. (2023) Cognitive Humanitarian Semiotics as a 'Growth Point' of Philological Knowledge. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 65–78.

Введение. За последние десятилетия в научном мире утвердилась мысль об усложнении характера научного знания. Интенсифицируются прямые и обратные связи концепций и методологий; проблематичной кажется сама возможность моделирования научного развития в условиях «потока инноваций»; ситуация научного знания мыслится как взаимодействие/борьба концептов меж-, поли-, трансдисциплинарности; актуальны «предметные поля», заново конструирующие объект изучения (например, в области исторического знания — история повседневности, история ментальностей, интеллектуальная история и т. п.).

Однако возникает и немало вопросов: неотрефлексированное «преодоление дисциплинарной узости» легко приводит к потере метода и объекта, трудностям в определении статуса результатов «актуальных практик». В сфере гуманитарного знания важно понимать не только преимущества, но и границы возможностей *любого* подхода; в условиях «потока инноваций» и перманентной полемики (нередко чрезвычайно жесткой¹) становятся очевидными критические разрывы, для преодоления которых нужны концепции синтезирующего характера, стремящиеся обосновать внутреннее родство различных «смежных» областей знания.

«Точки роста» такого синтеза вариативны. Значительный потенциал содержится, например, в когнитивной поэтике, выросшей на пересечении когнитивной психологии и когнитивной лингвистики. Задачи когнитивной науки могут быть сформулированы и «профильно» (см., напр.: «Предметом когнитивного анализа искусства, языка и литературы являются модели мышления и модели выраже-

¹ Так, по А.Д. Кошелеву, кризис «концептуального тупика» захватил все когнитивные дисциплины, поскольку на вопрос о соотношении языка, мышления и коммуникации все авторитетные концепции отвечают по-разному [см.: Кошелев 2017: 109–143].

ния, а также характер отношений между ними» [Turner 2002: 9]), и в «интегральной» перспективе («описание/изучение систем представления знаний и процессов обработки и переработки информации, и — одновременно — исследование общих принципов организации когнитивных способностей человека в единый ментальный механизм...») [Кубрякова 2004: 8–9]. В то же время когнитивная поэтика «оставляет по существу вне рассмотрения представления о художественном тексте как эстетически ценном объекте и об эстетической функции языка» [Ревзина 2020: 509].

Развиваемая нами *когнитивная гуманитарная семиотика* (КГС; по основным составляющим: теоретический комплекс *СТ* (*синтетический текст*) — *СЯЛ* (*синтетическая языковая личность*) — *КПП* (*когнитивно-прагматическая программа*)) — «точка роста» знания (в том числе филологического), возникшая по другому принципу. Проще всего показать это в историко-генетическом разрезе возникновения КГС.

СТ и СЯЛ. В начале XXI века в среде специалистов по «русскому року» получило распространение понятие «синтетический текст» (наряду с «креолизованным» и нек. др.) — отражение попыток филологов и культурологов привести методы и инструменты познания в соответствие с материалом, дополнив традиционную критико-филологическую интерпретацию песенной поэзии. Проблема имела глубокие корни: «рок никогда не был только музыкой, но прежде всего стилем жизни и общественной позицией» [Кнабе 2006: 20] — т. е. актуальный смысл песенного текста легко воспринимается как «сверхлитературный» (вплоть до мифологической актуализации самой фигуры рок-поэта). В СССР своеобразной попыткой «сверхлитературы» была «эстрадная поэзия» рубежа 1950–1960-х, а возникшая как бы в ответ «тихая лирика», несмотря на подчеркнута традиционную «литературность», в медийно-критическом формате истолкования пыталась заполнить пространство еще большего объема. «Нестандартную» для литературы дискурсивность демонстрировало творчество крупнейших поэтов-бардов: Б. Окуджавы, А. Галича, В. Высоцкого. Иными словами, сама исследовательская ситуация недостаточности привычных подходов давно существовала. Не забудем и о «параллельной культуре», неумеренная канонизация которой в групповых интересах не снимает вопрос о критериях интерпретации самого явления.

СТ — семиотическое понятие для новой систематизации и осмысления значимости невербальных составляющих². «Текст» в

² Успешно развиваются научные традиции с другой терминологией — «интермедальность», «креолизованный текст», — однако каждую из них характери-

рок-культуре — неразрывное единство поэзии, мелодии, музыкального ритма, вокала, фактора аудитории, сценического поведения. Традиционно-филологическое прочтение приводило к множеству проблем [см., напр.: Свиридов 2002; Доманский 2013]; в итоге началось общее движение к пониманию гетерогенности рок-текста как результата смешанного семиозиса, к разработке его «полисубтекстуальности» [см. Гавриков 2011] — по сути, *семиотическое и культурологическое расширение*, для которого, однако, явно не хватало концептуальных моделей («deskриптивный» подход не мог ни объяснить природу связи и гармонию функционирования субтекстов, ни снять проблему размытости терминологии).

Новая концептуализация проблемы, произведенная Д.И. Ивановым, показала ее многоуровневость: полноценный «текст» в рок-искусстве (композиция, альбом, концертное выступление) разворачивается как динамическое пространство с программно заданной дискурсивностью; это, по сути, *текст-исполнение*, он должен быть осмыслен в диалоговом режиме (*субъект-источник — субъект-интерпретатор*). Методика анализа такого текста требует культурологической широты горизонта и новой методологической конфигурации, учитывающей когнитивно-прагматические аспекты проблемы. «Филологизм» не исчезает, но нуждается в глубокой «лингвокультурологической семиотизации», включающей переосмысление ряда опорных терминов и создание новых, отвечающих специфике «гибридного объекта»³. Так возникла идея *метадисциплинарности* — актуализации тех интердисциплинарных связей, которые *указывают на внутреннее (генетическое, функциональное и пр.) родство внешне разнородных начал*, определяющих сложный (гибридный) культурно-языковой объект. На зону контакта и «симфонии» этих начал и нацелено моделирование СТ — СЯЛ, соединившее субъекта, семиотически (расширенно) понимаемый текст (как «симфонию» субтекстов), смысл, дискурсивность — с опорой на лингвокультурологический антропологизм и текстуальность культуры.

«Полисемиотичный» русский рок оказался для формирующейся концепции «идеальным объектом». Логика концепции требовала 1) произвести сопряжение когнитивной и прагматической (дискурсивной) сторон самого акта художественного высказыва-

зует специфическое понимание объекта, предмета, задач и методологии в рамках «художественного синтеза» [см., напр.: Седых 2008; Креолизованный текст 2020].

³ Понятие гибридного объекта используется, например, в психолингвистике — однако актуализировано в духе постмодерной «трансдисциплинарности» («в духе Бруно Латура с его примером социотехнической сети, связующей “воедино небо, индустрию, тексты, души и нравственный закон”» [Боронин 2021: 39]).

ния в единстве его авторской интенциональности (программного целеполагания); 2) решить задачу органично соединить структурно-семиотическое понимание текста с уникальной «идеографией» культурного объекта; 3) выделить опорную структуру, способную полноценно представлять в аналитическом режиме субъектную сторону художественного высказывания / культурного объекта *за пределами вербального компонента, но в единстве с ним*.

Основой такой структуры стала «языковая личность» (ЯЛ) в фундаментальной лингвокультурологической трактовке Ю.Н. Караулова [см. Караулов 2010], дающая глубокую «развертку» субъектности — но не адаптированная к процессуальному СТ (модельно не представлены субъект-интерпретатор, который входит в его структуру, и невербальные субтексты). База для адаптивования — современные представления о человеческой когнитивности, интенциональности, дискурсивности. В современных биокогнитивных теориях «когнитивность не локализована исключительно в мозге, но распределена во времени, в пространстве, в культуре, в социуме» [Гурочкина 2018: 42]. Соответственно разноформатный когнитивный анализ способен *множеством способов* сопрягать эту «распределенность» для теоретизации сложных культурных феноменов и не только не сводится к абстрактным схемам, «сценариям» и пр. функционально выделяемым единицам анализа, но *в принципе поливалентен* (см.: напр.: «Когнитивная лингвистика... представляет собой совокупность множества частично пересекающихся подходов» [Geeraerts, Suyckens 2007: 4]).

«Явленность» мышления не сводится к вербальным формам, а семиотика дает новое понимание текстуальности — следовательно, личностное культуротворчество способно *программно воплощаться за пределами вербальности*, а ЯЛ реализует себя и в нелингвистических дискурсивных зонах (музыкальных, имиджевых, артикуляционных и др.). СЯЛ как «трансформ» «карауловской» ЯЛ отличается специфической внешней (компонентной на основе субтекстов) и внутренней (уровневой) структурой и набором ключевых компетенций. Три уровня внутренней структуры СЯЛ: лингво-семиотический (комплекс семиотических зон СТ), когнитивно-прагматический («сквозная» система концептуально-когнитивных кодов) и ассоциативно-интерпретационный (моделирующий субъекта-интерпретатора) — организуют входящие в СТ субтексты как компоненты СЯЛ («горизонтальная» развертка). Это позволило дать развернутую картину механизмов порождения и функционирования СТ в роке-культуре.

Так, феномен рок-группы «Алиса» предстал как динамичное единство, абсолютным центром которого является «черно-красная»,

исходно романтико-демоническая СЯЛ «рок-звезды» К. Кинчева. Ее противоречивая природа программно реализуется:

а) в концептуальных текстовых формах, отражающих неразрешимый конфликт целевых установок «разбудить и поднять», «разрушить машину подавления личности», «остаться собой», «разрушить стереотипы и освятить “свою” религию» с помощью инструментов бунта, самообожествления, «гипноза толпы рок-звездой», что порождает двойственность самоидентификации: «Время червей и жаб! / Время червей и жаб! Слизь! / Но это лишь повод выпустить когти! / Мы поем! / Мы поем! Заткните уши, / Если ваша музыка слякоть! / Солнечный пульс! / Солнечный пульс диктует! / Время менять имена!» [Барановская 1993: 94]; «Если ты когда-нибудь / Почувствуешь пульс великой любви, / Знай, / Я пришел помочь тебе встать!» [Барановская 1993: 91]; «Дорогу выбрал каждый из нас, / Я тоже брал по себе. / Я сердце выплевывал в унитаз, / Я продавал душу траве. / Чертей, как братьев, лизал в засос, / Ведьмам вопил: “Ко мне!” / Какое тут Солнце? / Какой Христос!? / Когда кончаешь на суке-Луне?» [Барановская 1993: 117];

б) в суггестивных приемах на сцене (повтор концептуальной формулы текста («Эй, ты, там, на том берегу! / Расскажи, чем ты дышишь и чем живешь! / Эй, ты, там, на том берегу! / Расскажи, что слышишь и о чем поешь! / Эй, ты, там, на том берегу!» [Барановская 1993: 96]); «трансовая воронка» (композиция «Ко мне!» с 22 повторами в нескольких «кольцах»));

в) в имиджевом позиционировании и устойчивых психологизированных мимических жестах на концертах (сценических кинемах-идентификаторах «Воин», «Шаман», «Пророк», «Шут»);

д) в символике сценического грима и обложек альбомов, *последовательно визуализирующих историю и аспекты* главной внутренней коллизии взаимопроникновения и борьбы конструктивных и деструктивных начал, плен тупиков и ложных самопроекции («Черно-красный мой цвет, / Но он выбран, увы не мной. / Кто-то очень похожий на стены / Давит меня собой. / Я продолжаю петь / Чьи-то слова, / Но всё же кто играет мной? А?» [Барановская 1993: 98]).

А за когнитивно-прагматически «skonфигурированной» рок-культурой забрезжили более сложные структурно дискурсивные пространства реализации СЯЛ. Таков «случай Лермонтова», судьба и творчество которого образуют своего рода «идеальный текст» тотального «демонического» романтика. В нем прихотливо «переливаются» друг в друга совершенно «разноформатные» вещи: поведенческие мотивы Печорина, основные мотивы лермонтовской поэзии и мотивы поступков самого Лермонтова находятся в отношениях «взаимокомментирувания». Столь властное сотворение

«текста судьбы» невозможно без деятельного участия СЯЛ художника-жизнетворца: ведь единство этого семиотически понимаемого текста должно обеспечиваться некоей единой, пусть и сложной, кодировкой, т. е. личностно центрированным языком, для которого граница вербальной и невербальных зон не является абсолютной. Иными словами, *сложно зонированным языком, полигенетическим и полиморфным кодом*. СЯЛ и есть «общий закон» этого языка, и если, например, в случае «секторно локализованной» рок-культуры мы смело говорим о СЯЛ в ее прямом значении, то в менее локализованных вариантах или на всем пространстве «текста судьбы» мы можем использовать термин *проекционное поле СЯЛ*. В «проекционном поле» действие СЯЛ может быть не столь ясно видимым, но все равно носит конституирующий характер.

СЯЛ и КПП. Принципиальным шагом, позволившим провести глубинную теоретизацию самой СЯЛ и вписать «текст субъекта» в различные контексты, оказалось создание (Д.И. Ивановым; дальнейшая разработка — в содружестве с Д.Л. Лакербаем) развернутой концепции КПП. Для глубокой интерпретации «текста субъекта» в культуре необходим его модельный анализ — и как типичного, и как семиотически значимого индивидуального. Специфика СЯЛ в том, что она позволяет моделировать гетерогенный по зонам дискурсивности (например, вербальный и поведенческий одновременно) культурно значимый «текст субъекта в культуре» именно как индивидуальный (при этом могущий быть «усвоенным» субъектом-интерпретатором в качестве интерпретируемой модели — в искаженном, стереотипном или опорно-творческом вариантах). Это возможно потому, что основные его параметры задает КПП СЯЛ субъекта-источника — своего рода «позвоночник» СЯЛ.

Еще в 1980-е годы появилась опередившая время «семиосоциопсихологическая» концепция Т.М. Дридзе [см. Дридзе 1984], где обосновано понимание авторской интенции в *вербальном тексте* как «программы» на уровне «мотивационно-целевой структуры» (коммуникативный аспект). «Программность» художественного текста и СТ полнее и ярче вырисовывается с т. з. современной когнитивистики, для которой между семантикой и прагматикой нет четких границ. Особенно значим (в дискурсе) связующий когнитивное и прагматическое аспекты целеполагания (интенциональности). В отличие от спонтанно-имманентной связи интенциональности и речевых актов в концепции Р. Серля, «в отечественной лингвистике <...> замысел говорящего предопределяется направленностью практической деятельности <...> в качестве психологической основы формирования интенции выступает потребностно-мотивационный аспект деятельности человека» [Заботкина 2007:

88]. Так — в единстве филологии, культурологии, когнитивистики, психологии и др. — и реализуется междисциплинарный подход КГС. В «целенаправленной» связке когнитивного и прагматического нами была осознана принципиальная возможность сопряжения когнитивного подхода с «идеографией» культурного объекта.

КПП — «опорная система когнитивно-прагматических установок (КПУ) (целевых, самоидентификационных (ролевых), инструментальных, оценочно-результативных), <...> выступающая в качестве концептуальной матрицы различной осмысленной деятельности. <...> Концепция КПП исходит из целенаправленной “программируемости” любой содержательной человеческой деятельности, которую можно семиотически прочесть как текст. <...> Если СЯЛ можно интерпретировать как семиотически понимаемый текст субъекта в культуре, то смысл этого текста субъекта воплощается именно КПП» [Иванов, Лакербай 2020: 49–50].

Базовая КПП художника, демонстрирующая неразрывность духовных, эмоциональных, интеллектуальных, собственно когнитивных интенций личности и форм ее творческой (жизнетворческой) самореализации, концептуально индексирует всё пространство СТ и задает аналитико-интерпретационный / реинтерпретационный векторы его восприятия и самовосприятия. КПП *а) «междисциплинарна» по самой своей сути* (см., например, анализ кинотекстов фильмов «Игла» или «Холодное лето пятьдесят третьего» [Иванов, Лакербай 2020: 44–45, 56–59]); *б) имеет прямое отношение к интенциональности актов сознания художника во всех его целенаправленных проявлениях и формах; в) модельно входит в структуру его деятельности как таковой* (в ракурсе системно-деятельностного подхода в психологии). Это динамичная эволюционирующая структура, в рамках которой происходят усвоение, трансформация и развитие базовых «чужих» программ (личностных/сверхличностных, универсальных/производных, коллективных/индивидуальных — и т. д.). КПУ, входящие в структуру КПП, могут быть созданы на базе только тех информационных кодов, которые в сознании субъекта-источника (генератора КПП) прошли процесс «когнитивной фильтрации», перекодировки, полной/частичной персонификации и гармонизации.

Творчество настоящего художника в аспекте КПП предстает, с одной стороны, как целенаправленная развивающаяся система (иначе невозможны возникновение и эволюция узнаваемого авторского художественного мира и поэтики, стилеобразование и пр.), с другой — как «открытая система», постоянно «находящая себя» под всеми воздействиями и во всех трансформациях. КПП для сознания и воли художника — своеобразный «штурман», отвечающий за

«прокладывание курса», поэтому КПП предстает как многообразно проявленная «авторская воля» художника и одновременно — «проект» собственной судьбы (не результатный «биографический миф»!), поскольку в творчестве «рождается» (постоянно проходит новую самоидентификацию) и сам художник. «Соответственно понятие КПП <...> позволяет перенести акцент с бесспорного несопадения личности и любой “легенды” о ней <...> на те механизмы “знания о себе”, которые ответственны за производство текстов/личности» [Иванов, Лакербай 2021: 204–205].

Пример такой творческой биографии через анализ КПП — монография Д.И. Иванова «Крест и рок: “синтетический текст” Константина Кинчева» [Иванов 2022]. На протяжении нескольких десятилетий К. Кинчев вел напряженный и драматичный жизнетворческий поиск, вместивший в себя и амбивалентную индивидуалистическую «героику» «контркультурной» эпохи русского рока, и духовное экспериментаторство («духовная аэробика»), и аффективный самообман-самообожение-самоуничужение («рок-звезда — кумир — антихрист»), и «гоголевские» метания, и попытки прозрения-смирения. Именно КПП рок-поэта показывает, как он обострял и в итоге довел исходные противоречия до саморазрушительного предела (во всех субтекстах его СЯЛ концепты «звезда» и «рок» соединены и кричаще символизированы), но, решившись на глубочайшую ценностно-мотивационную перестройку, преодолел «когнитивный блок» и обрел новый путь.

Совершенно по-другому «работает» жизнетворческая КПП И. Бродского, не совпадающая с «мифом о поэте» («легендой»), как внутреннее не совпадает с внешним. «Проекционное поле» неявной здесь СЯЛ создается рано осознанным «попаданием в историю» (пресловутое ахматовское «какую биографию делают нашему рыжему») и необходимостью — в силу масштаба таланта и «величия замысла» — заполнять традиционную «вакансию Поэта» в исторических и культурных условиях, когда это «избранничество» уже не может быть воплощено буквально. Так возникает *демонстративная* (и подхваченная значительной частью «бродсковедов») «антиромантичность» Бродского — это *публичная метапоэтическая характеристика* творческого “месседжа”, включающая рефлекссию над собственным юношеским романтизмом, аналитизм, иронию, «защитную самоостраненность» героя и тона лирики, культурную программу Поэта в «постмодерном мире» и пр. «Сердцевиной» же КПП становятся *реализуемые одновременно* романтико-модернистское поэтическое «избранничество» — и героический пессимизм экзистенциалиста. Множество ключевых произведений поэта, от ранних «Глаголов», например, через «На смерть Т.С. Элиота», «Ла-

гуну», «Осенний крик ястреба», «Колыбельную трескового мыса», до «Я входил вместо дикого зверя в клетку...» и «На столетие Анны Ахматовой», раскрывают эту амбивалентную программу, конкретизирующую физические, интеллектуальные, духовные параметры «метафизически-отчужденного» самоосуществления Поэта в мире.

Самая романтическая эмблема судьбы и поэзии Бродского — «Осенний крик ястреба» — практически сюжетная калька столь же «тотального» гумилевского «Орла», однако эпоха закрывает романтическому бунту возможности реального действия, а пафос и вовсе сменяется иронией. Сам поэт подберет к герою и «завоевателю» рифмы типа «завыватель» и «забыватель» [Бродский 2001a: 306], но это не меняет КПП: так, в фундаменте «антипамятника» «Я входил...» лежит героический миф о тотальном выборе, сделанном современным романтиком в рамках модернистского поэтического избранничества — но с острейшим чувством абсурда, возникающим из столкновения «я» и мира. Героический пессимизм экзистенциалиста антиномичен романтическому культу героя и обрекает поэтическую личность на вынужденное самоопределение через небытие (метафизическое и реальное изгнание-отчуждение, смерть человека как бессмертие им созданного). В данном отношении поэт Бродский есть настоящий «человек абсурда» в том смысле, что абсурд — «это ясный разум, осознающий свои пределы <...> полярная ночь, бодрствование духа <...> постоянное напряжение, поддерживающее человека в его противостоянии миру <...> произведение искусства оказывается единственной в этом мире возможностью утвердить свое сознание и зафиксировать его приключения. Творить — это жить дважды» [Камю 1997: 45, 57, 79].

В условиях, когда романтический вызов и модернистская утопия творчества неактуальны, а «сомасштабный» духовный ответ поэта миру невозможен, остается стянутый к самому себе бескомпромиссный выбор поэзии как ответа на вселенную абсурда — в итоге, волею таланта и обстоятельств, выбор Судьбы Поэта. Поэтому стихотворение «Я входил...» — памятник Судьбе Поэта, воплотившей его Выбор и ставшей духовным Подвигом. А в условиях невозможности прямо соотнести этот подвиг с «живым собой» он «антологизируется», проецируется на «мертвых классиков» (в стихотворении на смерть Элиота сама смерть и есть один из творцов памятника). В законченном виде все основные идеи этого Подвига Поэта воплощены в стихотворении «На столетие Анны Ахматовой».

Верность поэта своим программным установкам общеизвестна — но именно на уровне КПП становится видна условность «антиромантизма» Бродского. А «проекционное поле» неявной СЯЛ, организующее «творческое поведение» (т. е. «поэт-в-мире»), путает

филологов своей амбивалентностью, неизбежной при столкновении «избранничества» такого масштаба и чувства абсурда. За «антиромантизм» принимается непривычность фигуры «культурного героя»: вместо «лица» предлагается «силуэт роли»; даже «Нобелевскую лекцию» Бродский начинает с фигуры «самовычитания».

Заключение. Таким образом, в рамках КГС возникают новые возможности и в филологическом ракурсе. Литературоведческая проекция СЯЛ позволяет дать «глубинное» (когнитивно-дискурсивное), а не внешнее описание многих процессов социокультурного «поля литературы», от более глубокого и корректного анализа «творческой программы» художника до построения внутренней закономерности его творческого пути и решения вопросов о соотношении «личности» и «легенды», «слова» и «поведения» и т. д. Единство СТ-СЯЛ позволяет в области литературы и искусства *направленно развивать* общие теоретические представления «интермедийности» («многоканальность» формирования, передачи, приема, освоения художественной информации единообразно структурируется и семиотизируется на более глубоком основании) и «креолизованности» текста («паралингвистическое» и «лингвистическое» предстают в единой когнитивно-дискурсивной перспективе, что расширяет возможности объективного анализа).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барановская Н. Константин Кинчев. Жизнь и творчество. Стихи. Документы. Публикации. СПб., 1993.
2. Боронин А.А. О гибридном объекте в лингвистике в контексте научного наследия Юрия Александровича Сорокина // Вопросы психолингвистики. 2021. № 2 (48). С. 38–47.
3. Бродский И. Сочинения: в 7-ми т. Т. 3. СПб., 2001.
4. Гавриков В.А. Русская песенная поэзия как текст. Брянск, 2011.
5. Гурочкина А.Г. Соотношение понятий *когниция* и *познание* // Studia linguistica. 2018. № 27. С. 38–44.
6. Доманский Ю.В. Рок-поэзия: перспективы изучения // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Екатеринбург; Тверь, 2013. Вып. 14. С. 7–36.
7. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984.
8. Заботкина В.И. О соотношении прагматического и когнитивного в дискурсе // Вестник РГУ им. И. Канта. 2007. Вып. 2. Филологические науки. С. 86–91.
9. Иванов Д.И. Крест и рок: «синтетический текст» Константина Кинчева. М., 2022.
10. Иванов Д.И., Лакербай Д.Л. Когнитивная гуманитарная семиотика: Книга 2. Терминология. Аналитические портреты. Иваново, 2020.
11. Иванов Д.И., Лакербай Д.Л. Между «сциллами» и «харибдами», или Попытка теории в эпоху исследовательских практик // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 193–219.
12. Камю А. Сочинения: в 5 т. Т. 2. Харьков, 1997.
13. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М., 2010.

14. Кошелев А.Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М., 2017.
15. Креолизованный текст: Смысловое восприятие. Коллективная монография / Отв. ред. И.В. Вашунина. Ред. колл.: Е.Ф. Тарасов, А.А. Нистратов, М.О. Матвеев. М., 2020.
16. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.
17. Ревзина О.Г. Язык и текст. М., 2020.
18. Свиридов С.В. Рок-искусство и проблема синтетического текста // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып 6. Тверь, 2002. С. 5–32.
19. Седых Э.В. К проблеме интермедийности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2008. Вып. 3. Ч. II. С. 210–214.
20. Geeraerts D., Сууцкенса Н. Introducing Cognitive Linguistics // The Oxford handbook of cognitive linguistics. Oxford, 2007. P. 3–24.
21. Turner M. The Cognitive Study of Art, Language and Literature // Poetics Today. 2002. № 23:1. P. 9–20.

REFERENCES

1. Baranovskaya N. Konstantin Kinchev. Zhizn' i tvorchestvo. Stikhi. Dokumenty. Publikatsii [Konstantin Kinchev. Life and creativity. Poems. Documents. Publications]. St. Petersburg, *Novy Helikon*, 1993. (In Russ.)
2. Boronin A.A. O gibridnom ob"ekte v lingvistike v kontekste nauchnogo naslediya Yuriya Aleksandrovicha Sorokina [On the hybrid object in linguistics in the context of the scientific heritage of Yuri Alexandrovich Sorokin]. *Voprosy psikholingvistiki*. 2021. No. 2 (48), pp. 38–47. (In Russ.)
3. Brodskii I. Sochineniya: v 7-mi t [Essays: in 7 t vol]. Vol. 3. Spb.: *Pushkinskii fond Publ*, 2001. (In Russ.)
4. Gavrikov V.A. Russkaya pesennaya poeziya kak tekst [Russian song poetry as a text]. Bryansk: ООО «*Bryanskoe SRP VOG*», 2011. (In Russ.)
5. Gurochkina A.G. Sootnoshenie ponyatii kognitsiya i poznanie [The relationship between the concepts of cognition and cognition]. *Studia linguistica*. 2018. No. 27, pp. 38–44. (In Russ.)
6. Domanskii Yu.V. Rok-poeziya: perspektivy izucheniya [Rock poetry: perspectives of study]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst*. Ekaterinburg; Tver': UrGPU, 2013. No. 14, pp. 7–36. (In Russ.)
7. Dridze T.M. Tekstovaya deyatel'nost' v strukture sotsial'noy kommunikatsii. Problemy semiosotsiopsikhologii [Textual activity in the structure of social communication. Problems of semiosociopsychology]. Moscow: *Nauka*, 1984. (In Russ.)
8. Zabotkina V.I. O sootnoshenii pragmaticheskogo i kognitivnogo v diskurse [On the relationship between the pragmatic and the cognitive in discourse]. *Vestnik RGU im. I. Kanta*. Filologicheskie nauki. 2007. No. 2, pp. 86–91. (In Russ.)
9. Ivanov D.I. Krest i rok: «sinteticheskii tekst» Konstantina Kincheva [Cross and Rock: “synthetic text” by Konstantin Kinchev]. Moscow: *Largo Publ*, 2022. (In Russ.)
10. Ivanov D.I., Lakerbai D.L. Kognitivnaya gumanitarnaya semiotika: Kniga 2. Terminologiya. Analiticheskie portrety [Cognitive humanitarian Semiotics: Book 2. Terminology. Analytical portraits]. Ivanovo, *PresSto Publ*, 2020. (In Russ.)
11. Ivanov D.I., Lakerbai D.L. Mezhdz «stsillami» i «kharibdami», ili Popytka teorii v epokhu issledovatel'skikh praktik [Between “scyllas” and “charybdis”, or An Attempt at Theory in the Era of Research Practices]. *Kritika i semiotika*. 2021. No. 1, pp. 193–219. (In Russ.)

12. Kamyu A. Sochineniya: v 5 t. [Essays: in 5 vols.] Vol. 2. Khar'kov: *Folio Publ.*, 1997. (In Russ.)
13. Karaulov Yu.N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. Izd. 7-e [Russian language and linguistic personality. Ed. 7]. Moscow: *LKI Publ.*, 2010. (In Russ.)
14. Koshelev A.D. Ocherki evolyutsionno-sinteticheskoi teorii yazyka [Essays on the evolutionary-synthetic theory of language]. Moscow: *Izdatel'skii Dom YaSK*, 2017. (In Russ.)
15. Kreolizovannyi tekst: Smyslovoe vospriyatie. Kollektivnaya monografiya / Otv. red. I.V. Vashunina. Red. koll.: E.F. Tarasov, A.A. Nistratov, M.O. Matveev [Creolized text: Semantic perception. Collective monograph]. Ed. by I.V. Vashunin. Ed. coll.: E.F. Tarasov, A.A. Nistratov, M.O. Matveev. Moscow: *Institut yazykoznaniya RAN*, 2020. (In Russ.)
16. Kubryakova E.S. Ob ustanovkakh kognitivnoi nauki i aktual'nykh problemakh kognitivnoi lingvistiki [About the attitudes of cognitive science and current problems of cognitive linguistics]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 2004. No. 1, pp. 6–17. (In Russ.)
17. Revzina O.G. Yazyk i tekst [Language and text]. Moscow: *MAKS Press Publ.*, 2020. 558 p. (In Russ.)
18. Sviridov S.V. Rok-iskusstvo i problema sinteticheskogo teksta [Rock art and the problem of synthetic text]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst*. No. 6. Tver': *TvGU Publ.*, 2002, pp. 5–32. (In Russ.)
19. Sedykh E.V. K probleme intermedial'nosti [On the problem of intermediality]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2008. Ser. 9. No. 3. Part II, pp. 210–214. (In Russ.)
20. Geeraerts D., Cuyckens H. *Introducing Cognitive Linguistics // The Oxford handbook of cognitive linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 3–24.
21. Turner M. *The Cognitive Study of Art, Language and Literature // Poetics Today*. 2002. № 23:1. P. 9–20.

Поступила в редакцию 23.09.2022
 Принята к публикации 04.04.2023
 Отредактирована 22.04.2023

Received 23.09.2022
 Accepted 04.04.2023
 Revised 22.04.2023

ОБ АВТОРАХ

Иванов Дмитрий Игоревич — кандидат филологических наук, доцент, профессор Института русского языка Сианьского университета иностранных языков (Китай, Сиань); Ivan610@yandex.ru

Лакербай Дмитрий Леонидович — кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии Ивановского государственного университета (РФ, г. Иваново); lakomotion@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Dmitry Igorevich Ivanov — Ph.D. in Philology, Associate Professor, Professor of the Institute of Russian Studies, Xi'an International Studies University; Ivan610@yandex.ru

Dmitry Leonidovich Lakerbai — Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Philology, Ivanovo State University; lakomotion@yandex.ru